

С ПЕРВЫМ АПРЕЛЯ!

Травля - 1991 - 1 апр. - с. 8

Верю—не верю

Из романа «Жизнь моя, побудь со мной!»

Наш человек, если сто раз в день не услышит, что живет в полном дерьме, не успокоится.

Он же должен во что-то верить.

Что железнодорожная авария была — верю, а что 20 человек погибло — не верю. Мало! Мало! Не по-нашему.

Михаил ЖВАНЕЦКИЙ

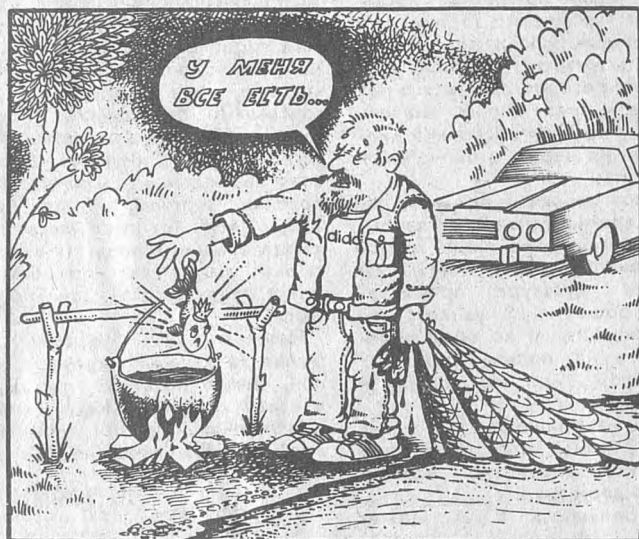

Рисунок В. Степанова.

Что чернобыльская авария была — верю, что первомайская демонстрация под радиацией в Киеве была — верю, а что сейчас там все в порядке — не верю. Счетчика у меня нет, а в слова «Поверьте мне как министру» — не верю. Именно как министру — не верю. Что делать, привык.

Что людям в аренду землю дают, с трудом, но верю, что они соберут там чего-то — верю и сдадут государству — верю, а что потом — не верю. Где начинается государство — не верю. Кто там? Здесь люди: Петя и Катя. Они повезли хлеб, скот и до государства довели — верю. Дальше — не верю. Государство приняло на хранение, высушило, отправило в магазины — не верю. Государство — это кто? И почему памятник под охраной государства разваливается в первую очередь?

Когда государство ночью нагрянуло, знаю — милиция пришла. Кое-как государство в виде милиции могу себе представить.

..Родина не простит сыновей своих, ты перед Родиной в вечном долгу... И Родину представляю в виде ОВИРа, выездной комиссии обкома партии, отдела учета и распределения жилой площади. Какие-то прокурорские мясистые бабы в исполкомовской одежде — это и есть та Родина, которая главные бумаги дает: прописку, визу, паспорт?

Что что-то в магазинах появилось — не верю, что последнее мыло и сахар исчезли —

верю сразу и мгновенно. Что с первого числа цены повысят — верю сразу.

Во-первых, у нас вся гадость всегда с первого числа начинается. Никогда с 16-го или 28-го. В то, что что-то добавят, — не верю, что отберут то, что есть, — верю сразу и во веки веков. Никто не войдет никогда и не скажет: «Добавим тебе комнату, что ж ты мучаешься», а всегда войдут и скажут: «Отнимем у тебя комнату, шикар-но живешь».

Никакая комиссия самого близкого народного революционного исполкома не позвонит — что-то не видно тебя, может, ты не ел уже три дня, одинокий, голодный, может, у тебя сил нет в магазинах стоять, а радостно втолкнется: вот жалоба на вас — три дня не видать, а мусор жирный, значит, на нетрудовые пожирате ночами при лампаде, государство беспокоится, как бы вы тут жить лучше не стали, а это противоречит интересам общества. Мы должны еще раз по справедливости допеределить и допереконфисковать, чтоб руководству не обидно было.

Верю. Верю. Оно! В слово «запрещено» — верю свято. Наше слово. В то, что все разрешено, что не запрещено, — не верю и не поверю никогда. Сто раз буду биться, умру на границе «запрещено-разрешено», а не пересеку явно потому, что знаю — тяжело в Воркуте пожилой женщине с гитарой.

В то, что, может, и будет закон не сажать за слова, с трудом, но верю, а в то, что даже этот закон будет перечеркнут одним росчерком пера того секретаря обкома, где живет и

суд, и подсудимый, — верю сразу и во веки веков, ибо никто у него власть не отнимал.

А все кричат: «Идите, возьмите, он отдаст, он уже спрашивал, где ж они»... Ах ты дурачок, Петя, кто ж тебе власть отдаст, я, что ли? Ты ж видишь, что всего не хватает. А раз не хватает всего, то, чтоб есть спокойно и жить спокойно, — власть нужна. Власть вообще нужна. Без нее войдут и скажут: «Ты сажал — тебя сажаем» В море житейском, в отличие от морского, внизу буря, внизу.

Никакой урожай ни одной помидорины не добавляет, никакой рост добычи в Тюмени ни капли бензина не добавляет, поэтому в то, что нефть в Тюмени добывают, — не верю, что урожай в стране убирают — не верю.

В то, что с Парижем насчет одежды соглашение — не верю. Нету ее. Я есть, Париж есть, а ее нету Бесконечные совещания, пленумы, а мне ничего нет. Как к трактору — меня выпускают, а ко мне ни еды, ни одежды, ни лекарств.

Я сам лично не знаю, как страшной командовать, меня никто не учил, я и не берусь. Но, может, подыскать тех, кто знает, особенно на местах, где мы все живем. В то, что командиры теперешние на совещание соберутся, я еще верю, что неделю сидеть будут — верю, что что-нибудь придумают — не верю, не верю, извините, — только через желудок воспринимаю. через магазин. Как на эти рубли смогу жить, так буду, и телеграмму дам в правительство: начал жить, чувствую правительство, чувствую.

А пока читаю в газетах: пленум принял решение, самое решительное среди всех решений — все! Пошел чего-нибудь на ужин добывать.

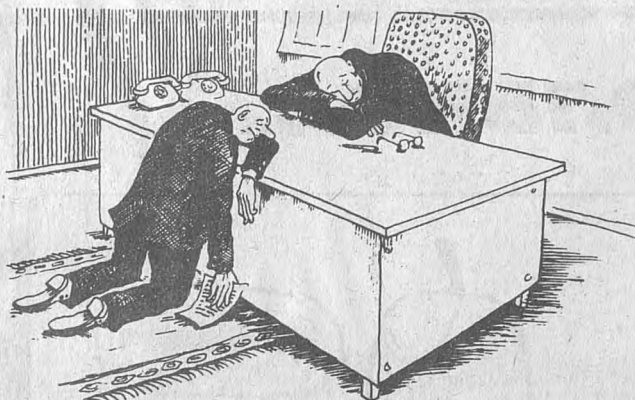

Рисунок В. Ненашева.